Малыш и волк

Валерий Горбань

SHOUT
SHARE
IT

- Горбань Валерий

Горбань Валерий
Малыш и волк

Валерий Горбань

Малыш и волк

Малыш плакал.

Нет, конечно, он не рыдал взахлеб, как институтка. Но соленая влага на сей раз текла не только из под раскисшей и почерневшей подбивки Сферы, но и из зажмуренных в отчаянии глаз. Зеленый флаг с грубо намалеванным волком торчал из отдушины чердачного окна. Ледяной февральский ветер колыхал его и казалось, что волк нагло подмигивает и пощелкивает пастью, как бы говоря:

Ну что, съел?

Больше всего на свете хотелось завыть, как воет лунными ночами этот зверь. Но сзади, тяжело дыша, попадали на обледенелый рубероид его друзья. Стыдно. И уж если выть, то всей стаей.

А еще он очень-очень, прямо-таки страстно хотел бы сейчас увидеть рядом с собой Пушного. Или Змея. А еще лучше - обоих. Подняться во все свои могучие сто девяносто сантиметров, схватить эту парочку за шкирки и, треснув лбами, спустить с крыши проклятой пятиэтажки без парашютов.

В понедельник, привычный уже утренний марш-бросок в полной боевой выкладке закончился не в расположении отряда, а рядом с незавершенным пятиэтажным домом, недалеко от городской тюрьмы. Эта новостройка на шестьдесят квартир так и не приняла изнывавших в бараках и коммуналках потенциальных новоселов. Незадолго до начала отделочных работ она вдруг стала оседать и пошла трещинами. Оказалось, что дом умудрились поставить на огромной ледяной линзе. Строительство прекратили, и пятиэтажная громадина стояла пустой, пока ее не облюбовали для своих тренировок собровцы и омоновцы.

Не очень-то и уставшие, отсвечивающие жизнерадостными улыбками бойцы построились лицом к зданию и ждали, что же им скажет по поводу этой экскурсии Змей -новый командир отряда. Бежал командир вместе со всеми, и народ с интересом посматривал: долго ли пыхтеть будет, прежде чем сможет говорить? Но, ничего, голос ровный, уверенный.

- Сегодня мы начинаем занятия по штурмовой подготовке. Работаем пятерками. В доме четыре подъезда. В каждый идут две

пятерки и посредник из офицеров. На крыше здания укреплен чеченский флаг. Побеждает и отправляется отдыхать группа, первой снявшая флаг. Остальные работают, пока не сумеют выполнить задачу. Напоминаю, что в любом здании, даже недавно зачищенном, могут оказаться боевики. Также напоминаю о минной опасности и требую соблюдать все меры предосторожности. За неправильные действия посредники имеют право объявить любого убитым или раненым. Командирам групп произвести расстановку личного состава и дополнительный инструктаж, определить маршруты скрытого выдвижения к зданию. Начало штурма по сигналу голосом: "Атака!"

Народ слушал и ухмылялся. Кто про себя, а кто и явно. В войну командир играет. Духи, мины... Сейчас как рванем, и добежать не успеет, чтобы свои замечания сделать.

А тот ласково улыбнулся и добавил:

- Группа, в которой есть раненый или убитый, выносит тело на исходный рубеж и начинает все сначала.

Змей он и есть Змей. Это потом до всех дошло, что дело не только в его любимом ругательстве:"Ах ты Змей Горыныч!", и не только в шуточках ядовитых. Коварства улыбчивого у него не меньше, чем у того искусителя библейского, что Еве голову заморочил...

Понятное дело, далеко от здания исходную позицию никто не выбирал. Броник, шлем, оружие, полный боекомплект - двадцать кило металла по легкому варианту. Каждый лишний метр потом силы отберет. Выстроились перед подъездами.

Атака!

Ура!!! - ломанулись с грохотом, как боевые слоны. Первые бойцы уже в подъезды влетели.

Отбой!

Что такое?

- Обращаю внимание посредников: в результате тупой лобовой атаки, без использования особенностей местности и огневого прикрытия, в каждой пятерке имеется двое убитых. Провести эвакуацию "груза двести" на исходный. Ну-ка, весело подняли, весело понесли! Подготовиться к повторному штурму.

Во вторник вечером одна из пятерок первого взвода без потерь ворвалась в подъезд. Тяжелый ботинок второго номера РПГ, обвешанного запасными выстрелами к гранатомету, с размаху опустился на порог.

Ба-а-бах! Из под порога фуганул сноп огненных брызг.

Подрыв на противопехотной мине. Ранение ног. Эвакуация.

Так вот куда так загадочно исчез еще позавчера сапер отряда Пушной! Вот для чего он накупил на выделенные командиром

деньги разную китайскую пиротехнику, резко обесценившуюся после Нового Года! А старшина еще прикалывался, что, мол, у Змея бзик, деньги тратит на разную хренотень, салют на двадцать третье февраля затевает что ли?. Та-ак! Ну, посмотрим, кто-кого!

Народом овладел азарт.

Утром в среду орлы Пионера - командира второго взвода - прошли до второго этажа. На пороги больше не наступали. На доски и отвалившиеся пласты штукатурки - тоже.

Растяжку из усиленной дымным порохом хлопушки Бабадя снял животом. Живой вес Бабади - центнер. Бабадя - пулеметчик. Он тоже в полном защитном снаряжении. А еще у него в руках - девятикилограммовый ручной пулемет, и за спиной запасная коробка с патронами.

У-у-у, Пушной, с-сука!

Кряхтят бойцы. Не мог раньше подорваться? Два этажа вниз - до подъезда, двести метров - до исходного...

Слышь, братан, ты бы жрал поменьше или бегал побольше, не дай Бог, в самом деле тебя вытаскивать.

Да пошел ты! Типун тебе на язык!

Не послушал Бабадя доброго совета. И потом тщательно оберегал он в чеченских командировках внушительную мужественность своей коренастой фигуры. И даже укреплял ее, поскольку службу приходилось нести на стационарных блок-постах, недалеко от отрядной кухни. Но, ровно через два года, под Серноводском, будет он бежать в цепи навстречу ураганному огню, хлопая незастегнутым бронником по сбереженному животу и приговаривать:

Пусть меня ранят, пусть меня убьют... и пусть меня понесут отсюда на руках!

А потом проявит пулеметчик незаурядное мужество, отбиваясь от наседающих боевиков и прикрывая товарищей. Поливал Бабадя врага длинными очередями на дистанции и короткими - в упор. И снова приговаривал:

А вот вам в рот, чтоб я еще с этой дурындой бегал туда-сюда!

И уберег таки и товарищей и себя - большого и доброго.

В среду вечером первый взвод после штурмовки не расползся по домам. Приглашенный в качестве дорогого гостя Пушной проводил повторные занятия по минно-подрывному делу. Народ устал смертно, народ клонило в сон. Но слушали внимательно.

Утром в четверг в каждой пятерке первого взвода впереди шел боец, который не вертел головой по сторонам, а внимательно смотрел под ноги и перед собой. По сторонам его другие прикрывали. Шли журавлиным шагом, высоко поднимая и выбрасывая перед собой ноги. Так, даже если просмотришь

растяжку, меньше шансов ее зацепить. Стоп! В двадцати метрах от исходного, поперек уже набитой за три дня в снегу тропы, прозрачная паутинка искрится. Лесочка!

Растяжка!

Не дыша, перешагивают бойцы. Сколько же глаз нужно: под ноги смотри, по сторонам смотри, а сейчас - за угол, и перед носом - дом проклятый. Там вообще, не смотреть надо, а всей шкурой, как приемной антенной, работать.

Хлоп! - Справа, в полосе второго взвода, яростные вопли и черный клубок дыма над белым сугробом.

Ухмыляется первый взвод. Ага! Ну что, друзья-соперники? Как вам вчера вечером дома отдыхалось? В тот самый вечер, когда нам Пушной объяснял, что растяжки и мины лучше всего ставить на зачищенных противником, привычных и, вроде как уже безопасных, участках. На маршруте смены постов, например, где караулы уже на автопилоте ходят. Или на пути в туалет. Или на снежной тропинке, по которой взвод за эти три дня уже раз тридцать пробежал...

Чебан потрясенно на гранату смотрит. Так грамотно шли и вот те - на! С лестничной площадки пятого этажа к ним на четвертый эфка выкатывается. Та самая, которую в народе лимонкой зовут, рубленая на дольки игрушка с разлетом чугуна на двести метров... Это же какая падла швырнула!...А ведь предупреждал Змей: даже в зачищенном здании могут вновь оказаться выползшие из схронов боевики. А тут, какое уж зачищенное? Группа Чебана первой шла и то еле-еле до четвертого этажа доцарапалась.

Граната, конечно, была учебная. А бойцы - настоящие, тяжелые...

Сегодня утром Змей объявил:

- С целью укрепления социальной справедливости, устанавливается следующий порядок. Не группа выносит подорвавшегося, или пораженного в результате неграмотных действий, а "убитый" выносит на исходный рубеж самого тяжелого члена своей пятерки. Чтобы прочувствовать, каково придется его товарищам, если он будет так же хлопать ушами в настоящем бою.

Народ в строю уже измотанный стоял, злой. На командира недобро поглядывал. А тут - оживились, смешки пошли. Четко Змей рассчитал: никто себя за дурака не держит, а потому каждый представляет, как он будет на чужой спине кататься...

Пыхтит Чебан. Четвертый этаж! Из пятерки - трое "убитых": все, кто рот раскрыл и гранату разглядывал, вместо того, чтобы за ближайшую стенку заскочить. Сейчас каждый из покойников

другана тащит. А кому своего не досталось - несет посредника, чтобы не обидно было. У посредника морда такая серьезная, будто не на горбу омоновца, а в черном Мерседесе едет.

Чебана истерика легкая пробила, хихикает, ноги заплетаются, вот-вот навернется вместе со своим живым грузом.

В ночь с пятницы на субботу Пушной с двумя помощниками, под светом фонариков, колдовал на крыше пятиэтажки. Наскучавшийся в одиночестве волк любопытно наблюдал с развевающегося зеленого полотна за этим коварным типом.

В радиусе одного метра от флага Пушной поднял уложенный на бетонной крыше рубероид, выдолбил полукругом несколько лунок, заложил в них китайские хлопушки, срабатывающие от сжатия, и любовно подсыпал в лунки адскую смесь собственного изготовления. Ноги не поотрывает, но вспышку будет далеко видать!...Рубероид лег на место. Пушной раскочегарил паяльную лампу и тщательно проварил засмоленные швы. Припорошив снегом и пылью мгновенно застывшую смолу, с наслаждением сунул скрючившиеся от мороза пальцы в меховые рукавицы.

Спускаясь по темной стылой лестнице, он снисходительно улыбался. Его самого в ГРУ учили по-другому. По поручению инструктора, кто-нибудь из провинившихся бойцов набирал в целлофановый пакет обыкновенного говна из солдатского туалета и снабжал "фугас" боевым детонатором. Пакет клали в двух шагах от работающего сапера. А проводки из него подключали к обезвреживаемой ловушке...

Капитан Симоненко, дважды разобранный на запчасти в далеких от России странах и столько же раз собранный хирургами, объяснял свою методику так:

Вот то, что при ошибке ты будешь отстирывать, при настоящем подрыве от тебя только и останется.

Но вы же выжили, товарищ капитан?

Я? Ты на меня не смотри. Я - редкий счастливчик, уникум. И то, между прочим, пока выучился, столько таких пакетов подорвал, что дивизия бы нагадить не смогла.

В воскресенье, в пятнадцать часов, опережая своих четырех друзей в победном рывке, Малыш протянул могучую ручищу к уже искренне ненавидимому зеленому флагу с наглой волчьей мордой.

На тридцатиградусном морозе рубероид теряет свою эластичность. Под кованым каблуком ботинка он не прогнулся, а хрустнул, словно раздавленный бокал для так и не принесенного шампанского...